

УДК 141

В.А. Усольцев

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург

АЛЕКСАНДР ГИЛЬФЕРДИНГ О ВЗЛЁТЕ И ПАДЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН В РАННЕМ ЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Ключевые слова: *славянские народы, панславизм, балтийские славяне, язычество, федерации племён, пограничные оборонительные линии, германские земли, славянское добродушие, религиозная система, независимость родины.*

На основании древних римских и греческих источников А. Гильфердинг описывает 300-летнее противостояние языческих племён балтийских славян с окружающими их христианскими государствами, расцвет и гибель западнославянской цивилизации.

V.A. Usoltsev

ALEXANDER HILFERDING ON THE TAKE-OFF AND THE FALL OF CIVILIZATION OF THE BALTIC SLAVS IN EARLY EUROPEAN MIDDLE AGES

Key words: *Slavic peoples, Pan-slavism, Baltic Slavs, paganism, the federation of tribes, border defensive line, Germanic lands, Slavic good-naturedness, religious system, independence of the motherland.*

When using ancient Roman and Greek sources, Alexander Hilferding describes 300-year standoff of pagan tribes of Baltic Slavs with their surrounding Christian States, the rise and death of West Slavic civilization.

«Александр Фёдорович Гильфердинг был одним из самых замечательных русских людей XIX века. За свою короткую жизнь он много и славно потрудился на благо Российской державы, русской культуры и русского слова. Немец по происхождению, все свои силы он положил на благо России и славянства. Учёный самого широкого профиля, яркий публицист, умелый дипломат, политический и общественный деятель... Но Гильфердинг как политический мыслитель совершенно неизвестен современным русским людям. Между тем многие вопросы и проблемы, поднимаемые в статьях Александра Фёдоровича в позапрошлом веке, актуальны и в наши дни» (Лебедев, 2009. С. 5).

Его предки приехали в Россию из Германии ещё при Петре I, в течение полутора веков верой и правдой служили русским монархам и со временем полностью обрусели. Дед, Иван Фёдорович, преподавал немецкий язык в Московском университете, а отец, Фёдор Иванович, преуспел на административном и дипломатическом поприще. Католик по вероисповеданию, он воспитал сына в истинно русском духе и крестил в православии. Видя оторванность дворянской публики от православного народа, восприятие себя властью империей как европейской, но не славянской, забвение национальных интересов России в угоду европейским интересам, Фёдор Иванович был не согласен с инородческим, в основном, немецким засильем, и всё это не могло не отразиться на взглядах сына.

Александр Фёдорович стал одним из ярчайших представителей панславизма – политического течения и идеологии культурного и политического сближения славян-

ских народов. Однако «всякая общественная инициатива казалась петербургской бюрократии вольнодумством, и панслависты стали подвергаться преследованиям. Да, в те годы только очень смелый человек мог открыто провозглашать в самом крупном славянском государстве свои славянские взгляды! Таковы парадоксы русской жизни» (Лебедев, 2009. С. 14). Эту парадоксальную ситуацию комментирует Михаил Задорнов (2013): «Когда евреи утверждают, что всё пошло от них, их не называют евреефилами. Так же, как не бывает таджикофилов, киргизофилов и украинофилов. Только русским почему-то отказано в чести бороться за свою историю и за свой родной язык – за свои корни» (с. 162).

Александр Фёдорович Гильфердинг (1831-1872)

В 1852 году А.Ф. Гильфердинг оканчивает историко-филологический факультет Московского университета, и уже в 1853 году появляется его первая научная работа «О сродстве языка славянского с санскритским». В 1855 году он публикует «Историю балтийских славян», а в 1861 году выходит в свет её продолжение «Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века».

Изучив многочисленные греческие и римские источники, А.Ф. Гильфердинг (1861) заключает: «Славяне жили искони на южном берегу Балтийского моря, там же, где они являются оседлыми после так называемого великого переселения народов, разрушившего Римскую империю. Ещё до Рождества Христова были там славяне, как видно из сказаний греческих и римских писателей. Писатели эти, получая сведения о них через посредство немцев, обозначали прибалтийских славян, как и разные другие ветви славянского племени, под именем, вендов, виндов или венедов, постоянно употреблявшимся самими немцами как название славян» (с. 1).

В начале своей истории языческие славяне, жившие между Эльбой (Лабой) и Вислой, делились на несколько племён, объединявшихся в союзы. В один из союзов под общим наименованием бодричей, входили вагры, полабцы, глиняне и смольняне, рароги, варны. Другой союз племён, живших к востоку от бодричей, обозначался именем лютичей (велетов), и к ним принадлежали кичане, череспеняне, доленчане, ратаре (радгощане), моричане, укряне и речане.

К северу от земли лютичей на острове Руян (Рюген) проживало особое племя, называвшееся руянами или ранами. К востоку от земли лютичей примыкало большое племя поморян и кашубов, а также волынцев, населявших остров Волын напротив устья р. Одер (Одра). К югу от бодричей и лютичей находился союз славянских племён, известных под общим именем гаволян (стодорян), куда входили племена брежан, сербов (сорбов), стодорян, спревян и любушан.

На севере балтийские славяне соприкасались с датчанами, а по всей западной границе, проходившей по реке Эльба, их соседями были немцы. Восточнее, за Вислой земли славян граничили с прусами, западной ветвью Литвы. С юга и юго-востока к балтийским славянам примыкали другие славянские народы, простиравшиеся на огромные пространства, за Дунай и Днепр. В частности, на юго-востоке балтийские славяне граничили с поляками.

По мнению А.Ф. Гильфердинга (1861), поляки и балтийские славяне составляли две ветви одного и того же народа. «Но вследствие особенных исторических обстоятельств, - пишет он далее, - балтийские славяне никогда не могли ни слиться с поляками в одно целое, ни образовать особое народное единство, а остались при племенной раздельности: потому они и не получили народного названия, а назывались только общим именем – славянами. Всё то, чего они достигли относительно политического единства, были союзы (федерации) мелких племён в известной местности» (с. 5). А.Ф. Гильфердинг, описывая места проживания балтийских славян, не приводит для наглядности никакой карты. Поэтому считаем необходимым показать карту Г.Я. Мокеева (2012), правда, относящуюся к более позднему историческому периоду (рис. 1).

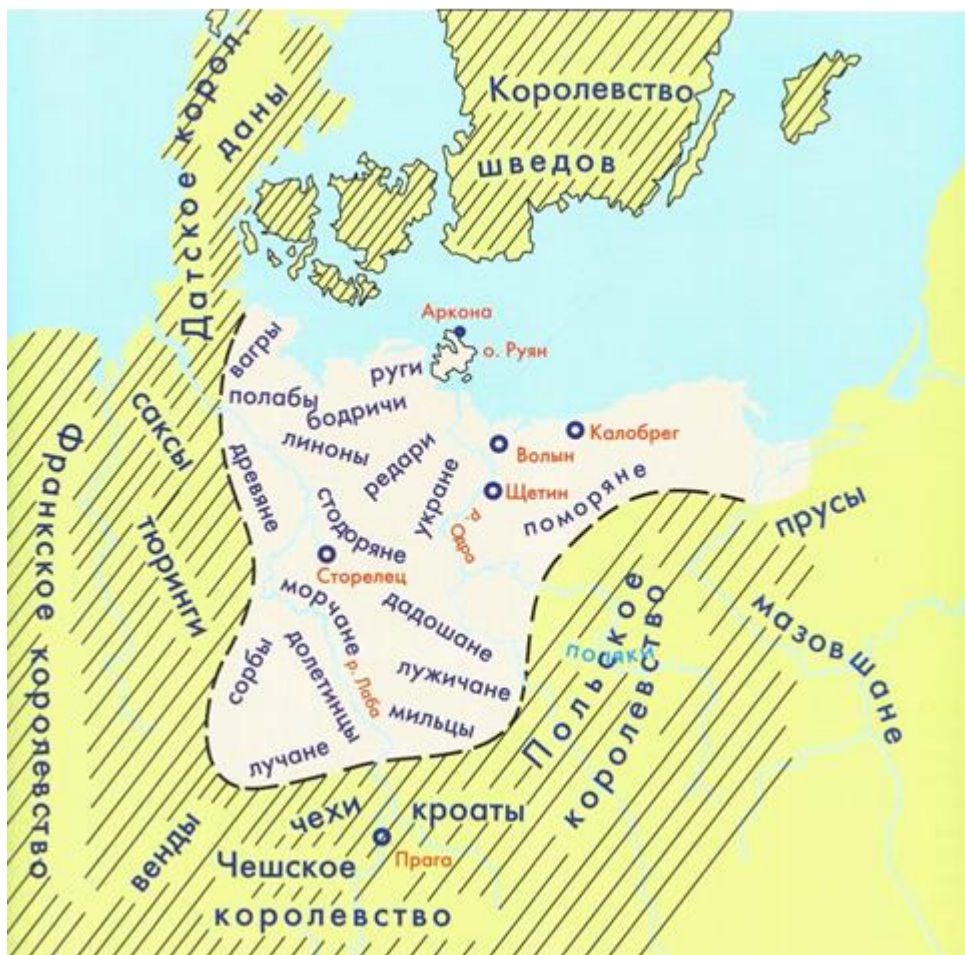

Рис. 1. Западные языческие славяне в окружении христианских государств Европы до крестового похода и погрома 1168 года (Мокеев, 2012).

Выше приведенное упоминание об исконном проживании славян на южном побережье Балтийского моря А.Ф. Гильфердинг (1874) затем несколько уточняет и считает, что оно имело место «уже за несколько веков до Рождества Христова». Первые же упоминания греков о славянах связаны с торговлей. Это был «янтарь, искони добываемый на берегах Балтийского моря и дорого ценившийся древними» (с. 7). Область проживания балтийских славян не была постоянной, а вследствие непрерывных войн с соседями то увеличивалась, то сокращалась. По крайней мере, уже во II веке славян-

ское племя постоянно обитало на Балтийском Поморье, «там же почти, где оно потом славно подвизалось и храбро погибло 1000 лет спустя» (Там же. С. 16).

Западная ветвь славян (вагры) соприкасалась с датчанами и восточной ветвью немцев. «Между ваграми, с одной стороны, и немцами и датчанами с другой, - пишет А.Ф. Гильфердинг (1861), - кипел непрерывный пограничный бой. Вследствие этого вагры сделались самыми воинственными между балтийскими славянами; они прославились также как отважнейшие мореходы и морские разбойники. ...Отвага на море увлекала балтийских славян ещё далее: они основали колонии в Нидерландах, и значительное число велетов водворилось в Англии» (с. 5-6). Время преобладания вагров на Поморье относится к VI-VIII векам, но уже в конце VIII века они примыкают к бодричам как второстепенная ветвь.

Судебная власть у балтийских славян Поморья принадлежала князю и его уполномоченным лицам на местах. Различали три категории дел: малые, большие и наибольшие. В делах малых виновный подвергался гражданским искам, в делах больших – лишению члена, в делах последних – смертной казни. Земля считалась не личной, а общественной собственностью. Народ, обрабатывавший землю, имел только право пользования ею (Гильфердинг, 1874. С. 127, 129).

Военная и торговая деятельность, а также непрерывные столкновения с немцами и скандинавами, привели к тому, что общественный быт балтийских славян достиг полной определённости в то время, «когда у других славян только зарождалась историческая жизнь». «Основание этого быта составляла племенная раздельность, которая так утвердилась у балтийских славян, так срослась со всеми стихиями их жизни, что им уже не достало силы освободиться от неё и образовать единство народное и государственное» (Гильфердинг, 1861. С. 7). Хотя земледелие у балтийских славян в начале их исторического существования было главным занятием, они не были исключительно земледельцами и, в случае нужды, временно воинами. У них существовали раздельно классы торговый и военный, а третье сословие, отдельное от народа, составляли жрецы. Однако славяне имели и рабов из числа военнопленных. Морские походы сопровождала торговая деятельность, и процветали славные торговые города: Рарог, Волын, Аркона, Щетин, Колобрег, Гданьск и многие другие.

На городах строилась вся военная система балтийских славян (рис. 2). «У балтийских славян каждый человек, способный идти на войну, был воин, и в случае опасности весь народ тотчас подымался и сходился, вооружённый и готовый к обороне, каждая жупа (волость) в свой город. Нельзя не заметить, что такой закон всенародного ополчения соответствовал вполне общему характеру быта балтийских славян и составлял как бы применение к военному делу господствовавшего у них общинного начала; только не было единства и связи в действиях, ибо почти всегда каждая жупа оборонялась в своем городе отдельно, не помышляя об общем действии против неприятеля» (Гильфердинг, 1874. С. 138).

Рис. 2. Реконструированный древнерусский город-вара Дольна Лужица - музей древнеславянской архитектуры «Slawenburg-Raddusch», Германия.

Замечательным явлением военного устройства у балтийских славян были пограничные оборони-

тельные линии: «Трудно бы было, казалось, ожидать такого учреждения там, где война не сделалась ещё предметом правильного искусства и где не существовало государственного порядка. Но пограничные оборонительные линии до такой степени соответствовали общему характеру военного дела у балтийских славян, что возникли у них, можно сказать, сами собою, с времён незапамятных». Оборонительная цепь укреплений была создана против немцев по правому берегу Лабы, но дальше к северу мелкие племена глинян, полабцев «не могли, конечно, соорудить себе настоящую пограничную цепь и стражу», и «здесь всякий человек был всегда настороже, как настоящий украинец» (житель окраины, *прим. авт.*). Для защиты же Поморья от Польши было создано даже два ряда укреплений. В крепостях сосредотачивались тысячи воинов: «В последней, роковой борьбе с датским королём Вальдемаром собралось на Ране (о. Руяне-Рюгене) в одной крепости Коренице 6000 вооружённых людей, и в то же время другая крепость, важнее Кореницы, Аркона оборонялась не менее значительным войском» (Там же. С. 141, 147).

Оборонительная стратегия взаимоотношений с немцами у западных славян преобладала в течение столетий. В конце IX в. «степные орды мадьяр» ввергли в полный хаос германские земли, «раздробили западнославянский мир и приготовили будущее его падение перед немецким народом». Итогом было «то, что этой хаотической Германии не противостояла какая-нибудь стройная, цельная держава славянская, которая обняла бы всю ширину средневропейского материка, что зародыш такой державы уничтожен был в самом зачатке и что затем подле Германии остались по-прежнему, как было при Карле Великом, бессвязные племена славянские, ждавшие спокойно, пока немецкий народ выйдет из своего хаотического брожения, установится, сосредоточится и бросится на них» (Гильфердинг, 1861. С. 82-83).

В 837-838 гг. бодричи, глиняне и велеты отказались от послушания немцам. Впервые эти славянские племена объединились против общего врага, и это был первый шаг к образованию из раздробленных племён народа и государства. Но: «дальше этого балтийские славяне, для своей гибели, не пошли. Союзы между ними оставались случайностью, которую вызывала иногда настоятельная нужда самосохранения, раздробленность же племён и вследствие того слабость, нерешительность и бессвязность действий продолжали составлять постоянную принадлежность исторической жизни у этих славян». Балтийские славяне «остались чуждыми того стремления к внутреннему единству и сосредоточению, которое именно в эту эпоху (во второй половине IX века) проявлялось повсеместно у других славянских народов, под Карпатами, на Висле и на Ильмене. Балтийские славяне не тронулись из своего племенного быта» (Гильфердинг, 1861. С. 67, 73).

В 880 году Германия получила полное поражение от норманнов. И что же делают западные славяне? «Прибалтийские племена бодричи и лютичи, перед глазами которых произошло страшное поражение их непримиримых врагов, не воспользовались им и не устремились на землю саксов. Но после всего, что мы сказали о политическом характере этих племён, такое явление нам совершенно понятно. Балтийские славяне остались спокойными в своих границах... Славяне живут себе по-старому, пользуясь минутной независимостью, не помышляя о том, как бы упрочить её в будущем. Германия не тревожит их, и этого с них довольно» (Гильфердинг, 1861. С. 83, 84).

Кроме основных черт общественного быта, засвидетельствованных древними летописцами, А.Ф. Гильфердинг (1861) отмечает и личностные особенности балтийских славян: «В их личном характере мы замечаем также, кроме общих свойств славянского поколения, влияние тех несчастных обстоятельств, которые их окружали с самого начала их исторического бытия. Хотя, с одной стороны, иностранцы хвалят их добродушие и гостеприимство, чистоту их нравов, их сносливость во всяких невзгодах, приводят в них черты высокого человеколюбия и выставляют их людьми необычно-

венно честными, верными данному слову, не знающими воровства; однако, с другой стороны, воинственность и храбрость, которой они особенно отличались, сопровождалась неслыханной у других славян суровостью, свирепством против неприятеля, жестокостью в обращении с невольниками и необыкновенным упорством. Вообще, их характер носит на себе явный отпечаток ожесточения, произведённого боевой жизнью, в которой эти племена начали и совершили своё историческое поприще» (с. 8-9). Исходя из немногочисленных свидетельств «иностранных писателей», А.Ф. Гильфердинг (1874) заключает, что «в груди балтийского славянина, упорного воителя, билось сердце доброе, и что в основании его нрава, хотя и ожесточённого, оставалась славянская общительность, славянское добродушие. Доброта души ставила его, конечно, выше в нравственном отношении средневекового немца или датчанина; разумеется, мы говорим о природном характере балтийских славян и их соперников, независимо от влияния религии...» (с. 37).

Балтийские славяне выработали в своём язычестве из собственных начал, не принимая ничего из чужбины, целую религиозную систему с храмами и человекообразными кумирами, с человеческими жертвоприношениями, с кастой жрецов и своеобразным богослужением. У них осталось прежнее общеславянское поклонение силам

природы, но они создали собственную религиозную надстройку в виде высшего бога Сварога, жившего в недоступной высоте и не обращавшего внимания на род человеческий. Высшим же божеством земным, человеческим был Святovit – бог света и добра, благоволящий к людям, дающий своим поклонникам обилие земных благ и победу над врагами, которых он поражал на священном коне, содержавшемся жрецами при храмах (рис. 3). Были и другие дружественные боги: богиня плодородия Жива, бог веселия и мира Радигост, воинственное божество Яровит и др. В противоположность Святовиту-Белбогу существовал злой и враждебный человеку Чернобог.

Рис. 3. Гравюра, изображающая бога Святовита (по: Montfaucon, 1722).

«Языческая религия достигла у балтийских славян огромного развития, - пишет А.Ф. Гильфердинг (1861), - и до такой степени овладела духом народа, что легла в основание всей его жизни, как частной, так в особенности общественной; весь общественный строй у балтийских славян слился с их религиозными понятиями так,

что люди, отвергавшие их богов, не пользовались в их земле общественным правом» (с. 11). На острове Руюне (Рюгене), в неприступной твердыне Арконе находилась общая святыня всего славянского Поморья – храм Святовита Арконского (рис. 4, 5, 6), поклонение которому составляло связь между разрозненными племенами балтийских славян. Это была святыня всенародная, все племена посылали в Аркону ежегодную дань, и Святovit Арконский получал богатые дары из всех краёв Поморья. Ближайшими хранителями святыни были руюне.

«Таким образом, - повествует А.Ф. Гильфердинг (1861), - поклонение арконскому богу сделалось для балтийских славян общей связью, и власть верховного жреца Святовитова заменила у них общую государственную власть. Образовалась у них теократическая федерация и заступила место единства народного. Первенство в этой федерации принадлежало, естественно, племени ранскому (руянскому), а во главе её стоял жрец Арконского Святовита. ... Должно полагать, что религиозное развитие, которое

увенчалось у балтийских славян теократической федерацией, сосредоточенной в Арконском Святовите и в руках его жреца, было если не вполне завершено при вступлении их в борьбу с новосозданной Германской империей (около 800 года), то, по крайней мере, уже близко к завершению» (с. 12).

Рис. 4. На этом мысу острова Руян-Рюген располагался славянский город-храм Аркона (<http://www.slavyanskaya-ostrov-rujan.html>).

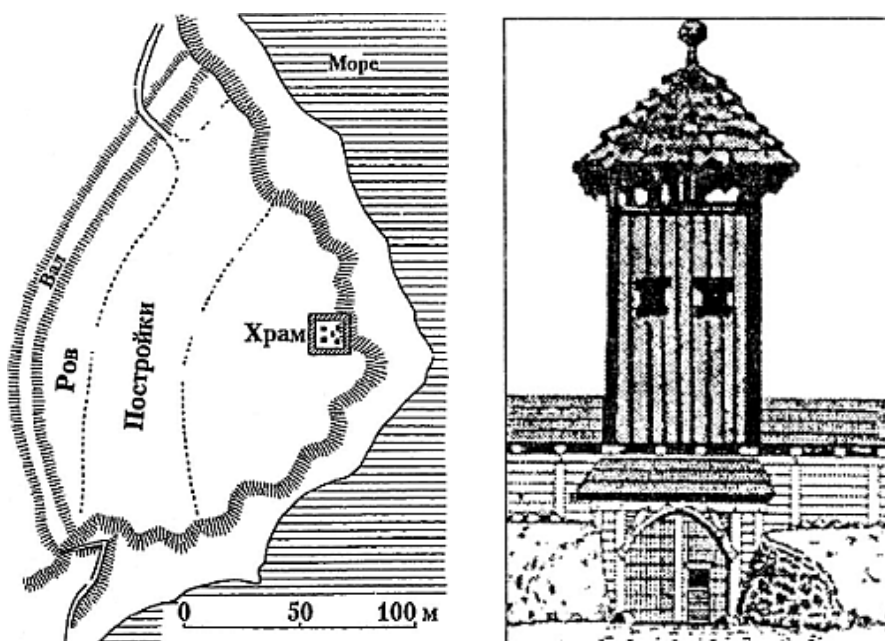

Рис. 5. Аркона и местоположение храма Святовита по данным раскопок К. Шукхардта (слева) и один из вариантов реконструкции врат Арконы, по Л. Нидерле (справа) (Гаврилов, Ермаков, 2009).

Начиная с VIII и до начала XII в., у балтийских славян процветала обширная торговля (рис. 7), в том числе «с отдалённым востоком», какой не было тогда во всей Северной Европе. Всё Поморье процветало и было обильно: «Там рыбы невероятное множество, как в море, так и в реках, озёрах и прудах; за грош (denarius) можно купить воз свежих сельдей. Всё Поморье изобилует всякою дичью, как-то: оленями, зубрами и дикими конями (лосями?), медведями и кабанами, а равно свиньями и всяким скотом. Оно богато маслом от стад, молоком от овец, салом ягнячьим и бараньим, да к тому же производит в избытке мёд, всякие хлеба, коноплю, мак и разные овощи» (Гильфердинг, 1874. С. 147).

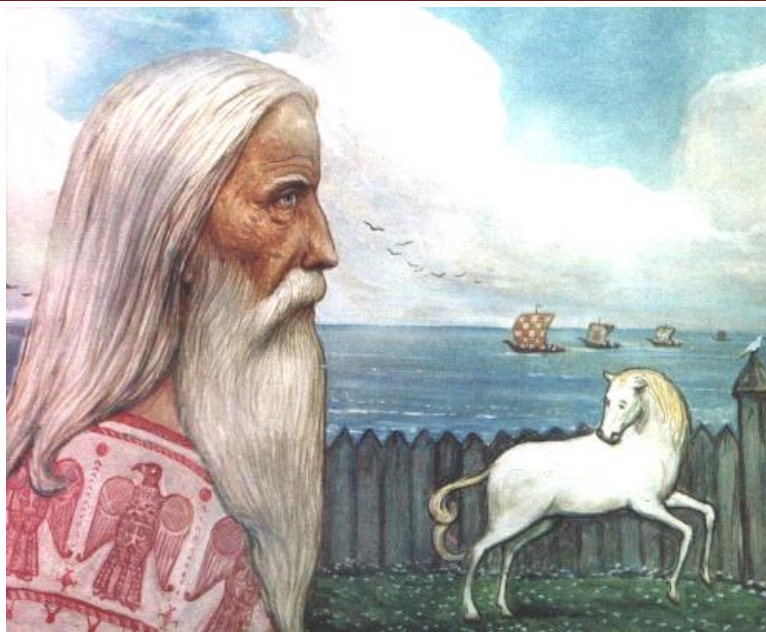

Рис. 6. Остров Руян-Рюген. Жрец и белый арконский конь. Худ. И.С. Глазунов.

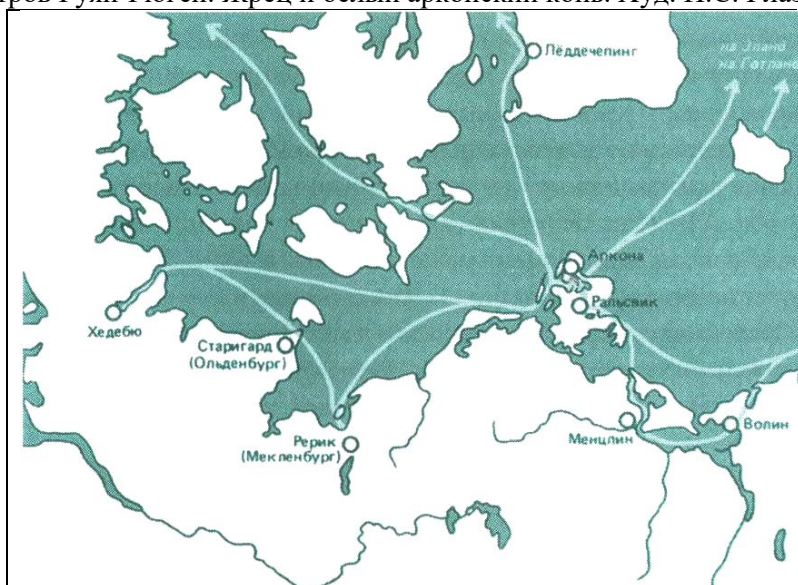

Рис. 7. Торговые связи Арконы с окружающими землями (Лесной, 2013).

Проанализировав общественную жизнь балтийских славян в разных её проявлениях, А.Ф. Гильфердинг (1874) констатирует у них «слияние общинной стихии со стихией аристократической и господство племенного дробления». Он вновь отмечает наличие общественных начал у балтийских славян уже в X в., тогда как у других славянских народов и даже у немцев и скандинавов жизнь общественная едва начинала развиваться.

«Но жизнь балтийских славян оказалась бесплодной, - пишет А.Ф. Гильфердинг (1874), - далее совершенствоваться она не была в силах; бодричи до своего конечного истребления остались в одном и том же общественном порядке, лютичи также; у поморцев и ран племенной быт, столь определённый и развитой в XI и начале XII века, явился также слабым, как у бодричей и лютичей, и немедленно распался, а взамен его эти славяне приняли быт немецкий, немецкий язык, немецкую народность. ... В X и XI веках вагры и бодричи, несмотря на непрерывную войну с датчанами и немцами, жили в довольстве хлебопашеством: в это время, при первом обращении их в христианскую веру, положено было им платить духовенству вместо десятины с каждого плуга по мере (корцу) хлеба, и они легко несли этот налог; в конце же XII в. подобная подать их так

разоряла, что уплативши её им нечего было есть, и они покидали земледелие, чтобы промышлять разбоем или просить милостыни на чужбине. Эта плодородная страна славянская стала глушью и местом запустения» (с. 145-146). В XI веке балтийские славяне, никем не покорённые, всё более и более поддавались чужой власти. Поморяне – датской, бодричи – немецкой; одни лютичи оставались ещё независимыми, но при своём быте не могли помочь своим соплеменникам. Способствовали угасанию славянских племён и военные поражения: в 1043 году между датчанами и славянами «битва была действительно ужасная, и громко пронеслась её слава по всем окружающим христианским землям», в результате которой погибло 15000 славянских воинов (там же, с. 452).

Балтийское Поморье стало последним убежищем славянского язычества: «В течение трёх столетий подвигалось христианство между славянами, шествуя с юга на север и мало-помалу охватывая всё племя; после крещения Польши и Руси (966, 988) из всех славян оставались в язычестве одни балтийские ветви. Можно бы сказать, что язычество отступало на Поморье и тут сосредоточивалось и готовило оборону. С упрямой гордостью балтийские славяне должны были сознавать, что они последние защитники веры отцов своих против завоевательного исповеданья иностранцев» (Гильфердинг, 1874. С. 225-226).

Здание римской церкви строилось как государственное, как плод обособления романо-германского мира и подчинения его правительственным идеям старого Рима. Эта церковь утратила свой всечеловеческий характер и балтийских славян, вместо того, чтобы привлекать к себе, напротив, отталкивала: «Таким образом, именно на балтийских славянах проявились во всей своей наготе плоды богохульного слияния Божией церкви с мирским государством, произведённого западным миром, и той бесчеловечной исключительности, которую он вследствие этого придал у себя христианской вере». Когда проповедники уговаривали славян креститься, те отвечали: «У христиан есть воры, есть злодеи, обрубают ноги, выкалывают глаза, всякие злодейства и казни творятся христианином против христианина. Да не будет у нас такой веры!» (там же, с. 229).

«Таким образом, - пишет А.Ф. Гильфердинг (1874), - несходные обстоятельства одинаково привели и балтийских славян, и немцев к совокуплению веры с гражданским порядком. Борьба между обоими народами должна была произойти ожесточённая. Нам известны причины их давнишней вражды и непрерывных столкновений; и эта закоренелая, народная ненависть слилась с враждой религиозной, ибо немцы, которых устремляла на балтийских славян необходимость упрочить и расширить свои границы со стороны Лабы, считали в то же время войну с ними священной, а балтийские славяне, отстаивая свои идолы от напора христианства, с тем вместе защищали независимость родины и свою личную свободу. В этой борьбе состоит вся история балтийских славян с IX века. Прежде была у них, по несомненным признакам, пора внутреннего развития и творчества, в которую выработали они свой племенной быт и свою языческую веру: мы видим в истории их плоды этой поры развития, но самые события её предшествуют исторической памяти. История застаёт балтийских славян только в эпоху застоя и падения, когда они уже принуждены защищать свою старину от Германии и христианства» (с. 238).

А.Ф. Гильфердинг (1874) лишь вскользь упоминает о сношениях балтийских славян с Русью: «Не может быть сомнения, чтобы балтийские славяне, народ отважный и любивший странствовать по морю, не заходили в Русь и не имели сношений с восточными своими соплеменниками. ...В то время Русь, владевшая Финским заливом, была через Балтийское море в частых сношениях даже с отдалёнными народами запада». И приводит пример из Адама Бременского: «Шведский король Олав, великий поборник христианства, женился на славянке из племени бодричей, Эстриде, и родил с нею сына Якова и дочь Ингарду, которую взял женою святой король Ярослав Русский».

«Итак, по крайней мере, один раз дочь балтийской славянки вышла за русского князя» (с. 443).

Гамбургский архиепископ Адальберт думал об основании северной церкви, независимой от римского папы и распространявшейся на земли немцев и западных славян. Последние относились к этой идее благосклонно, так как видели в ней единственное спасение от онемечения и гибели. Гильфердинг (1974) задает риторический вопрос в сослагательном наклонении: «Кто знает, что было тогда для духовной самобытности славян? Не соединилось бы стремление Адальбертово к восточной церкви и к независимости от Рима с предпочтением языческих славян?... И вместо того, чтобы быть прикованными к миру латинскому и германскому, не вступили ли бы западные славяне в связь с восточными и вместо того, чтобы тратить и терять свою народную жизнь, не устремились ли бы к её стройному развитию и укреплению?» (с. 460). Преимущество Руси, имевшей свою народную церковь, для западных славян было очевидным. Хранителями языческой религии у них были жрецы, которых народ облёк властью, одаривал богатствами, и понятно, с каким упорством они отстаивали свои кумиры и оспаривали каждый шаг христианства. Тогда как у восточных славян жрецов в собственном смысле не было, и христианство водворилось там почти беспрепятственно.

«Определяя характер славянского язычества, - пишет А.Ф. Гильфердинг (1874), - мы уже могли заметить, до какой степени все славянские народы были доступны евангельскому слову и как одни только балтийские племена составляли в этом печальное исключение. Пагубное слияние религии с общественным устройством было виною того, что к балтийским славянам христианская вера приходила с враждой не только к идолам и языческим суевериям, но и ко всему установленному их гражданскому порядку» (с. 224). Строгого монархического порядка не знали дотолде балтийские славяне, и он не мог к ним привиться: «Не весь народ хотел покориться государственному порядку; было много сильных и знатных людей, поборников старого, раздельного быта, противников немецких нововведений. Оттого произошло у них внутреннее бореие, и истратились силы, которые нужны были для отпора врагам, напиравшим отовсюду. Так и не установилось крепкое единство даже у бодричей, и они изнемогли и угасли в этом борении немецкого государственного и славянского раздельного начала, а там немцы с датчанами без труда их добились» (там же, с. 447).

Германия, в конце концов, сломала языческое упорство и племенную разрозненность балтийских славян. Передовые племена бодричей, лютичей, стодорян были практически истреблены в этой борьбе. После падения Арконы были принуждены креститься и руяне. «Тут борьба приняла другой вид, оставаясь в сущности всё та же, и началось мирное истребление славянской народности влиянием немецкого духовенства и онемеченных знатных людей и князя» (Гильфердинг, 1874. С. 239). В целом, как отмечает А.Ф. Гильфердинг (1861), «немецкое племя» (Пруссия и Австрия), получило государственный статус на завоёванной, главным образом, славянской земле. Соответственно и население более чем наполовину имело славянские корни: «Здесь, в среде, смешанной из славян и немцев, образовалась та завоевательная и германизирующая сила, ...которая, покорив и обнемечив значительную часть земли балтийских славян, потом стала тяготеть над самой Германией и распространять в ней своё владычество» (с. 123). Даже сегодня между географическими названиями славянского и германского происхождения существует столь явное различие, что лингвисты-этимологи почти безошибочно устанавливают, какие города, деревни, реки и ручьи получили своё название от славян и какие – от немцев.

«Таким образом, - заключает А.Ф. Гильфердинг (1874), - одна ветвь славянского корня раскинулась по всей пространной равнине от Эльбы и берега Балтийского моря до Карпатских гор и Западного Буга. ...Восточные отрасли славянские составляли другое, ещё обширнейшее племя, которое населяло всю страну от Новгорода до днепров-

ских порогов, и потом получило название русского народа. В начале истории являются, таким образом, два великих, почти равных по объёму, отдела славянского поколения, один на востоке, другой – на северо-западе. Но потом один из них сплотился крепко в цельный народ и возростал постоянно; другой же, никогда не достигнув единства и внутренней крепости, постоянно уменьшался» (с. 6).

Не в этом ли единстве сегодня видится для России реальный шанс противостоять обложившим её со всех сторон странам «золотого миллиарда»? Не постигнет ли Россию участь цивилизации балтийских славян? Надолго ли затянется засилье в экономике неолибералов-атлантистов, с ельцинских времён работающих не на Россию, а на глобальную экономику? Удастся ли его преодолеть нарождающемуся в экономике движению «почвенников-столыпинцев», и если удастся, то не будет ли слишком поздно?

Оптимизмом проникнуты слова А.Ф. Гильфердинга (2009. С. 193), обращённые из XIX-го в наш XXI век, и мы присоединимся к ним: «Есть простая логика человеческая, чтобы знать, что такое племя, как славянское, не может быть осуждено на подчинение общественным и духовным началам иного исторического мира, что оно должно быть призвано к самобытному органическому развитию. На то есть логика истории, чтобы знать, что русская земля, коль скоро она и именно она одна (в чём и сомненья нет) представляет возможность такого самобытного, органического развития славянского, не может не одолеть сил, вооружающихся против этого развития, и что неотвратимый ход событий должен нести её вперёд».

Список использованной литературы

Гаврилов Д.А., Ермаков С.Э. Боги славянского и русского язычества. Общие представления. М.: Ганга, 2009. 288 с.

Гильфердинг А.Ф. Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века. СПб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1861. 124 с.

Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. Ч. 1 и 2 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 4. СПб: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1874. 462 с. (Репринтное издание. СПб., 2015).

Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 492 с. (Серия «Русская цивилизация»).

Задорнов М.Н. Князь Рюрик: Откуда пошла земля Русская. М.: Алгоритм, 2013. 240 с.

Лебедев С.В. Предисловие // А.Ф. Гильфердинг Россия и славянство. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. С. 5-31.

Лесной С. Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории // М.: Алгоритм, 2013. 256 с.

Мокеев Г.Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства / Под ред. А.А. Барабанова. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. 480 с.

Montfaucon, Bernard De. L'antiquité expliquée et représentée en figures. Paris: Chez Florentin Delaulne, 1719-1724. Vol. 1-15. 5843 p. (<http://slav-drevnosti.livejournal.com/49604.html> |Autho).

Рецензент статьи: профессор Уральского государственного лесотехнического университета, доктор техн. наук Р.Н. Ковалев.